

УЛЬЯНА МАЗУР

ЗАПЕРТАЯ ПУСТОШЬЮ

Пока великие люди вершили историю, девушка, которую никто не слушал, записывала правду

18+

Ульяна Мазур

Запертая Пустошью

«Автор»

2026

Мазур У.

Запертая Пустошью / У. Мазур — «Автор», 2026

Пустошь кормит всю Федерацию. За право владеть ею Великие дома готовы предавать, убивать и начинать войны. Ульшарра — всего лишь девушка из рода Медина. Никто не ждет от нее подвигов. Никто не собирается посвящать ее в государственные тайны. Ее мир ограничен стенами родного города и заботой семьи, которая больше похожа на золотую клетку. Но когда собственное расследование приводит ее к доказательствам преступления, способного уничтожить власть Верховного канцлера, Ульшарра неожиданно становится самой опасной фигурой в политической игре. Теперь за ней начинают следить не только враги. И те, кто обещал ее защищать. Обложка создана в нейросети.

© Мазур У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I: Песчаная клетка	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ульяна Мазур

Запертая Пустошью

ЧАСТЬ I: Песчаная клетка

Хроники Пустоши. Том XXIV

4595 год правления Дамас

Взрыв в Центральном терминале стал крупнейшей трагедией Пустоши за последние десятилетия. За несколько минут погибли тысячи жителей, прибывших в Кайрад по торговым, семейным и государственным делам. Официальное расследование пришло к выводу, что причиной катастрофы стал критический сбой системы охлаждения генератора поля. Виновных обнаружить не удалось.

Сегодня о трагедии напоминает лишь мемориальная стена возле рияда рода Медина, где высечены имена погибших.

Постановление Сената Федерации 417-А

После рассмотрения материалов дела Сенат Федерации постановил лишить Дом Валкар губернаторских полномочий над провинцией Пустошь.

Основанием стали неоднократные нарушения Единого административного устава, выразившиеся в самовольном изменении порядка управления территорией, превышении полномочий губернатора и вмешательстве в компетенцию Федерального Совета.

До назначения нового губернатора управление Пустошью переходит Временному комитету Федерации.

Имя нового губернаторского Дома будет объявлено на ближайшем заседании Совета.

«Вестник Федерации»

Валкары отстранены от управления Пустошью

По словам представителей Сената, решение принято исключительно в интересах сохранения стабильности Федерации. Временная администрация уже приступила к исполнению обязанностей. Жителям Пустоши рекомендуется сохранять спокойствие и дожидаться объявления нового губернатора.

Глава 1

Рияд Медина никогда не бывает тихим местом, но в этот вечер даже старики говорят громче обычного, пытаясь перекричать гул голосов. По внутреннему двору, вымощенному светлым камнем, без конца снуют запыленные гонцы. В полумраке зала заседаний один за другим исчезают главы семей, а по извилистым коридорам разносятся резкие обрывки разговоров о Федерации, губернаторах и Совете. Весь дом перестает жить привычной жизнью, превращаясь в огромный, настороженный муравейник.

Я уже несколько часов бесцельно меряю шагами длинные галереи рияда, задыхаясь от ощущения собственной бесполезности. В семейной кофейне «Самир», где обычно собираются новости со всей Пустоши и решаются споры, дед Фархад прекрасно справляется и без меня. Читать не получается — строчки расплываются перед глазами, потому что мысли лихорадочно возвращаются к одному и тому же: скоро должны объявить новый губернаторский Дом. Даже если официальное решение примут только через несколько дней, именно сейчас, в этих стенах, решается судьба нашей суровой родины.

Все это понимают. Все, кроме меня. Вернее, мое положение тоже понимают предельно ясно. Мой мир надежно ограничен заботой семьи, которая с каждым днем всё больше напоминает золотую клетку. Именно поэтому никто не собирается посвящать меня в происходящее — от меня не ждут подвигов и тем более участия в решении всемирных проблем.

Димир за вечер мелькает мимо меня, наверное, раз десять. Каждый раз рядом с ним оказывается кто-то новый: сначала Хаким, потом Мансур, затем советники, хмурые проводники, бойцы. Димир идет быстро, почти не поднимая головы. Он привык нести ответственность за сотни людей, поэтому выслушивает донесения на ходу и тут же, не сбавляя шага, отдает четкие распоряжения.

— Димир! — окликаю я, шагая наперерез.

Он оборачивается, на мгновение сбавляя шаг. В его глазах читается смертельная усталость.

— Потом, Ульшарра.

И исчезает за тяжелой резной дверью.

Через десять минут история повторяется.

— Димир!

— Позже.

Еще через пятнадцать минут.

— Димир, послушай!

— Не сейчас.

К исходу третьего часа мне начинает казаться, что слово «потом» он произносит чаще собственного имени. Когда он снова выходит в главный двор вместе с Мансуром и Хакимом, мое терпение лопается. Я больше не собираюсь ждать удобного часа, как послушная девочка. Я просто перегораживаю ему дорогу, скрестив руки на груди.

Он останавливается настолько резко, что идущий следом Мансур едва не врежется ему в спину.

— Что случилось? — тон Димира ровный, но в нем звенит натянутая струна.

— Ты обещал поговорить.

— Сейчас не лучшее время...

— Нет. Сейчас, — я вздергиваю подбородок, не отводя взгляда.

Он устало трет переносицу, словно у него раскалывается голова.

— Ульшарра...

— Я хочу вступить в Профсоюз.

В коридоре повисает такая звенящая тишина, что я отчетливо слышу, как где-то на верхнем ярусе хлопает деревянная створка окна. Мансур, один из лейтенантов Профсоюза, тихо прыскает, торопливо пряча улыбку. Хаким лишь задумчиво приподнимает седую бровь. А Димир смотрит на меня так, словно пытается понять, шучу я или от жары у меня помутился рассудок.

— Ты хочешь... что? — медленно, отдельно переспрашивает он.

— В Профсоюз.

— Зачем?

— Потому что я устала сидеть в кофейне! — мой голос дрожит от рвущейся наружу обиды. — Мое место не только за стойкой.

Он тяжело вздыхает, и в этом звуке столько снисхождения, что мои щеки вспыхивают.

— Ульшарра...

— Нет, дай договорить! — я делаю шаг вперед, сокращая дистанцию. — Все вокруг постоянно чем-то заняты. Мансур командует бойцами. Хаким участвует в переговорах. Даже Лиссана помогает своему деду. А я? Я должна подавать кофе, протирать чашки и делать вид, что мир за окном не рушится?

Он складывает руки на груди, возвышаясь надо мной, спокойный и непоколебимый.

— Это сказала внучка человека, который знает о Пустоши больше любого политика.

— Не уходи от темы.

— Я и не ухожу, — его голос становится жестче.

— Ты вообще слышишь меня?! — я уже не скрываю злости, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— Слышу.

— Тогда возьми меня в Профсоюз.

Он смотрит на меня. В его голубых глазах на мгновение мелькает нечто, очень похожее на жалость, и от этого мне становится по-настоящему больно.

— Ты понимаешь, что такое Профсоюз?

— Конечно.

— Нет, Ульшарра. Не понимаешь. — Его тон остается пугающе ровным. — Это не романтика. Не приключения из старых легенд. Это люди, которые каждый день рискуют жизнью. Иногда погибают. Иногда эти люди делают такие вещи, которые потом не дают им спать до конца жизни.

— И что?

— И я не собираюсь отправлять туда тебя.

— Потому что я девушка? — я гневно шурюсь.

— Потому что ты Ульшарра.

Этот ответ бьет наотмашь. Он злит меня еще сильнее, выбивая почву из-под ног.

— Какая разница?!

— Огромная.

— Какая?!

Он делает шаг ближе. От него пахнет пылью и горьким кофе.

— Потому что ты дочь Саида, — чеканя каждое слово, произносит он. — Потому что ты внучка Фархада. Потому что, если с тобой хоть что-нибудь случится, мне придется смотреть им в глаза.

Димир слишком хорошо знает цену ошибок и привык просчитывать последствия каждого решения. Я уже открываю рот, чтобы выкрикнуть очередное возражение, но он поднимает ладонь, останавливая меня. — Хочешь, чтобы тебя начали воспринимать всерьез?

Я упрямо сжимаю челюсти и молча киваю.

— Тогда прояви себя.

— Как?

Димир на секунду задумывается, его взгляд становится цепким и холодным.

— Ты ведь постоянно твердишь, что официальная версия взрыва в Центральном терминале ложь.

— Потому что это так. Никакого сбоя охладителя не было.

— Хорошо, — он коротко кивает. — Докажи.

Я теряюсь, моргая. Вся моя злость внезапно натывается на глухую стену.

— Что?

— Выясни, что произошло на самом деле, — ровно повторяет Димир. — Если сумеешь принести мне факты, а не пустые слухи с базара, я лично рассмотрю вопрос о твоём вступлении в Профсоюз.

Я чувствую, как внутри все переворачивается от ледяного осознания.

Он уверен, что у меня ничего не получится.

Он не верит в меня. Он просто придумывает абсолютно невозможное задание, чтобы изящно от меня избавиться и запереть обратно в мою золотую клетку.

Я выпрямляюсь. Гордость жжет горло.

— Хорошо.

Я резко протягиваю ему руку.

— Договорились.

Димир опускает взгляд на мою ладонь, секунду медлит, а затем крепко пожимает ее.

— Договорились.

Я резко разворачиваюсь, собираясь уйти. В голове уже начинает лихорадочно выстраиваться список людей, к которым нужно подойти в первую очередь, но его ладонь все еще сжимает мою, и я лишь дернулась в попытке.

Раздается громкий приказ:

— Зик!

Из соседнего затененного коридора почти сразу выныривает высокий мужчина?. На его губах, как всегда, играет легкая, почти нахальная усмешка. Но все в рияде знают, что Зик — главный клинок рода, и если кто-то должен умереть, за ним отправляют именно его.

— Да? — отзывается он, лениво опираясь плечом о каменную арку.

— С этого момента ты сопровождаешь Ульшарру.

Я резко оборачиваюсь, чувствуя, как вспыхивают щеки.

— Что?!

— Не сопровождаешь, — невозмутимо поправляет Димир, глядя прямо на меня. — Охраняешь.

— Мне не нужна нянька!

— Это не обсуждается.

— Димир!

— Если собираешься лезть в расследование Катастрофы, ты больше не будешь ходить по улицам Кайрада одна. Это мое последнее слово.

Я зло смотрю сначала на него, непреклонного и жесткого, а потом на Зика.

Тот виновато пожимает широкими плечами, но смешинки в его глазах выдают его с головой.

— Извини, — тянет он.

— Не извиню, — цежу я сквозь зубы.

Зик улыбается еще шире, сверкая белыми зубами.

— Ничего. Все равно теперь мы напарники.

В этот момент мне хочется придушить их обоих голыми руками. Я абсолютно уверена, что Димир просто нашел хитрый способ держать меня под круглосуточным присмотром, связав мне руки.

И только позже, когда пески Пустоши начнут раскрывать свои кровавые тайны, я пойму: в этот вечер он вовсе не пытается помешать моему расследованию. Он просто пытается сделать всё, чтобы я смогла пережить его начало.

Глава 2

Вывеска над тяжелой металлической дверью гласит: «Яма». Название звучит так, словно внутри нас ждет притон для самых отбитых наемников Пустоши, но, едва переступив порог, я невольно замираю.

Здесь на удивление красиво. Просторный зал залит мягким, приглушенным светом. В воздухе плавает густой, сладковатый дым кальянов, пахнувший дикой вишней и пряностями. Люди за низкими столиками расслабленно откидываются на мягкие подушки, пьют, тихо переговариваются, не обращая на нас никакого внимания. Но больше всего мой взгляд приковывает стена напротив входа. На ней огромная, искусная роспись: багровый закат в нашей пустыне. Краски настолько живые, что кажется, будто от нарисованного солнца исходит настоящий, обжигающий жар Пустоши.

— Что, принцесса, никогда не бывала в таких заведениях? — раздается над ухом насмешливый шепот Зика. Он стоит расслабленно, засунув руки в карманы накидки, но я замечаю, как его цепкий взгляд уже просканировал весь зал, оценив каждый столик и каждый темный угол.

— Никогда, — честно признаюсь я, стараясь не выдать своей неуверенности. — Я думала, здесь будет... по-другому. — Грязнее? Шумнее? — Зик хмыкает, делая шаг вперед и слегка подталкивая меня локтем.

— Добро пожаловать в реальный мир, Улышарра. Не всё, что называется «Ямой», обязательно пахнет помоями. Идем.

Мы пробираемся к барной стойке. Чем ближе мы подходим к бармену, тем сильнее потеют мои ладони. В кофейне деда я каждый день общалась с десятками людей, но там я была хозяйкой, на своей территории. Здесь я чужая.

Бармен, крепкий мужчина с татуировкой шестеренки на шее, меланхолично протирает стакан. Я сглатываю ком в горле, опираюсь о прохладную стойку и стараюсь придать голосу как можно больше уверенности:

— Добрый вечер.

Мужчина поднимает на меня скучающий взгляд, затем переводит его на Зика, замершего у меня за спиной, и снова смотрит на меня.

— Что налить?

— Мне нужна информация, — говорю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — О том, что произошло в Центральном терминале. У вас здесь собираются разные люди, кто-то мог видеть...

— Стоп, — бармен поднимает ладонь, и его лицо мгновенно каменеет. — Я наливаю выпивку, девочка. И всё. Я ничего не знаю, ничего не видел и слухов не собираю. — Но...

— Слушай ее, друг, — мягко, но с явной угрозой произносит Зик, придвигаясь ближе. — Девушка задала простой вопрос.

Бармен тяжело вздыхает, откладывая полотенце.

— Я серьезно, парень. Не по адресу. Если вам нужны ответы на такие опасные вопросы, вам к хозяину.

— И кто у нас хозяин? — уточняю я.

— Маркус Веспер. Но он сейчас занят. Очень занят. Если хотите — ждите.

Он машет рукой в сторону пустующего столика в самой темной нише бара и отворачивается, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

Мы с Зиком переглядываемся и молча направляемся к указанному месту. Устраиваемся на диванах. Я нервно тереблю край накидки, прокручивая в голове вопросы для Веспера, а Зик, не теряя времени даром, подзывает официантку и делает заказ.

Проходит полчаса. Затем час. Маркус Веспер всё еще «занят», а мы продолжаем сидеть в нише.

— Знаешь, — тянет Зик, задумчиво разглядывая дно своего уже третьего стакана с каким-то крепким янтарным пойлом. — Когда Димир приказал мне тебя охранять, я думал, мы будем эффектно врываться в здания, драться в подворотнях и уходить от погони.

— Разочарован? — фыркаю я, потягивая свой коктейль.

— Скорее, опасно обеднел в безопасной обстановке.

Он выразительно трясет опустевшим кошельком.

— Ты в курсе, что мы пропиваем мои деньги? Мои личные, кровно заработанные деньги, Ульшарра!

— Считаю это инвестицией в великое дело, — я не могу сдержать легкой улыбки, глядя на его наигранно-трагичное лицо.

— Инвестицией? — Зик закатывает глаза и машет рукой проходящей мимо официантке. — Повтори! — кричит он ей, а затем поворачивается ко мне. — Если этот твой Маркус Веспер не появится в ближайшие двадцать минут, я потребую, чтобы Димир компенсировал мне моральный ущерб.

— Ты сам решил пить, — замечаю я. — Мог бы сидеть и наслаждаться росписью на стене, как я.

— Я ломаю кости, а не искусствовед, — ворчит он, забирая новый стакан у официантки и расплачиваясь последними монетами. — И если Веспер не принесет нам нормальные зацепки...

— Он принесет, — твердо обрываю его я. — Должен.

Зик делает глоток, его веселый взгляд на секунду становится серьезным.

— Упрямая ты, Ульшарра.

— Какая есть.

— Ладно, — он откидывается на спинку дивана, смирившись с судьбой своего кошелька. — Ждем твоего Веспера. Но если я завтра проснусь нищим, ты будешь бесплатно поить меня кофе в «Самир» до конца моих дней.

— Договорились, — киваю я, не сводя глаз с лестницы, ведущей на второй этаж.

Остается только надеяться, что ожидание того стоит.

Дверь заведения снова открывается, и сквозь густые клубы кальянного дыма, я вижу до боли знакомую фигуру. Лиссана. Внучка нашего духовного лидера, старого Хакима, ведет себя здесь, в «Яме», так же естественно, как и на дедовских проповедях в Доме Таинств — то есть, абсолютно уверенно. Она обводит шумное помещение своей фирменной лучезарной улыбкой, замечает нас в темной нише и радостно машет рукой.

Мы с Зиком синхронно зовем ее. Как только Лиссана, грациозно лавируя между столиками, добирается до нас и падает на мягкий диван, меня прорывает.

Я эмоционально, путаясь в словах и активно размахивая руками, пересказываю ей весь этот безумный вечер. Разговор с Димиром, его дурацкое невыполнимое условие, расследование Катастрофы, и то, как мы уже целую вечность торчим здесь, пытаюсь дождаться хозяина.

— ...И Димир просто приставил ко мне Зика в качестве няньки! — возмущаюсь я, чувствуя, как снова закипает злость. — А теперь этот местный бармен заявляет, что мы должны смиренно ждать Маркуса Веспера, который «очень занят»!

Зик салютует Лиссане абсолютно пустым стаканом.

— И я уже официальный банкрот, Лисс.

Лиссана картинно закатывает глаза. В ее лексиконе просто не существует слова «ждать».

— Вы это серьезно? Сидите тут в углу, как два наказанных послушника? — она звонко фыркает. — Ну уж нет. Пошли.

Она хватает меня за руку, резким рывком поднимает с дивана и, не обращая ни малейшего внимания на удивленный вздох Зика, тащит меня прямо через зал. Я даже не успеваю

сообразить, куда мы направляемся, как Лиссана уверенно ведет меня к лестнице, ведущей на второй этаж. Навстречу нам как раз спускается высокий, мрачного вида мужчина в дорогой, но слегка потертой накидке. Судя по тому, как почтительно расступаются перед ним официантки и замолкают ближайшие посетители — это и есть Маркус Веспер.

— Господин Веспер! — голос Лиссаны звучит сладко, как тягучий мед. Она мгновенно включает всё свое обаяние, перед которым редко кто может устоять.

Он останавливается на нижней ступеньке, смерив нас тяжелым, подозрительным взглядом.

— Я не принимаю посетителей без договоренности.

— О, мы не отнимем много вашего драгоценного времени, — Лиссана делает шаг ближе. Ее улыбка становится мягкой, почти обезоруживающей. — Мы здесь просто ищем правду. О той трагедии. О взрыве в Центральном терминале.

Лицо Маркуса мгновенно каменеет. В его глазах вспыхивает холодная, колючая ярость, и я мысленно готовлюсь к тому, что сейчас нас с позором вышвырнут на пыльную улицу.

— Девочки, вы лезете не в свое дело, — глухо, с угрозой роняет он. — Я не собираю базарные сплетни. И я почти ничего не знаю о том, что там произошло.

— Совсем ничего? — аккуратно, с легким деланным разочарованием тянет Лиссана, чуть склонив голову к плечу. — Такой влиятельный человек, владелец целой «Ямы», и ничего не слышал?

Веспер тяжело вздыхает. На мгновение его жесткий взгляд смягчается, обнажая застарелую усталость. Он поднимает руку и указывает на дальнюю стену зала, скрытую в полумраке.

— Всё, что я знаю о той катастрофе, висит вон там, — с горечью произносит он. — Это портреты моих предков. Моей семьи, которая сгорела в том терминале. Там нет никаких тайн, девочки. Только мертвецы.

Повисает тяжелая пауза. Я смотрю на измученное лицо Маркуса и понимаю — для него это не политика и не игра Великих домов. Это личная рана, которая до сих пор кровоточит.

Пока Лиссана, плавно сократив дистанцию и понизив голос, начинает мягко ворковать с Веспером, заигрывая и пытаясь аккуратно вытянуть из него хоть какие-то еще детали, я тихо отступаю назад. Зик, бесшумной тенью возникший неподалеку, внимательно следит за хозяином заведения, готовый вмешаться в любую секунду, но пока не делает ни шагу.

Я разворачиваюсь и медленно иду к стене с портретами. Свет здесь тусклый, но я всё равно отчетливо вижу лица людей, чьи жизни оборвались в одночасье. Я стою в тишине, рассматривая их строгие, написанные маслом черты, их потускневшие от времени взгляды, и пытаюсь найти хоть какую-то зацепку. Хоть малейшую нить, которая поможет мне понять, кто и зачем стер их в пыль в тот роковой день.

А за спиной, даже сквозь гул бара, всё еще слышится тихий, обволакивающий смех Лиссаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.